

7. Lee, S. Staying in the game? Coming into the game? Macmillan and the European integration / Sabine Lee // Harold Macmillan and Britain's world role / Ed. by R. Aldous, S. Lee. – London: Macmillan, 1996. – p. 123–149
8. Mander, J. Great Britain or Little England? / John Mander. – Harmondsworth: Penguin Books, 1963. – 208 p.
9. Newman, K. Macmillan, Khrushchev and the Berlin Crisis / Kitty Newman. – London; New York: Routledge, 2007. – 227 p.
10. Nicholls, A.J. "Appeasement" or "Common Sense"? The British response to the building of the Berlin Wall, 1961 / Anthony J. Nicholls // Deutschland, Großbritannien, Amerika Hsg. U. Lehmkuhl, C. Wurm, H. Zimmermann. – Wiesbaden Franz Steiner Verlag, 2003. – P. 45–60
11. Pittman, A. From Ostpolitik to reunification: West German – Soviet political relations since 1974 / Avril Pittman. – New York: Cambridge University Press, 1992. – 226 p.
12. Schick, J. The Berlin Crisis 1958–1962 / Jack Schick. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. – 266 p.
13. Shake, K. A broader range of choice? US Policy in the 1958 and 1961 Berlin Crises / Kori Shake // The Berlin Wall Crisis / Ed. by J. Gearson, K. Shake. – Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 45–65.
14. Smyser, W. From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / William Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.

УДК 321.01+330 "1934/1939"

ПОЛИТИКА ЦК ВКБ(б) В ОТНОШЕНИИ ЕДИНОЛИЧНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1934–1939 гг.

В. В. Куницкий, О. Г. Дмитриева

В статье анализируется политика советского правительства в отношении единоличного крестьянского хозяйства в 1934–1939 гг.

THE POLICY OF THE SOVIET COMMUNIST PARTY CONCERNING PRIVATE FARMING HOUSEHOLDS

V. Kunitski, O. Dmitrieva

In the article the author analyzes the policy of the Soviet government concerning private farming households in the 1934–1939.

Задачи объединения в колхозы единоличного крестьянского хозяйства, как утверждалось в документах ЦК ВКБ(б), были в основном

решены к концу первой пятилетки. Но вне колхозов оставалось еще более 9 млн (около 40 %) крестьянских хозяйств. В БССР, по данным политсектора МТС Наркомзема, за период с 1 января 1933 по 1 января 1934 г. в колхозы республики вступило 103 806 хозяйств. В первой половине 1934 г. процент выбывших хозяйств колебался по различным районам от 32 до 45 к вступающим. За первую половину 1934 г. число коллективизированных выросло всего на 4 % (с 51 до 55 % [1, с. 36]). Медленные темпы коллективизации объясняются нежеланием единоличников вступать в колхозы, а также настороженным отношением к ним местных властей. При этом все индивидуальные хозяйства имели лошадей и коров лучше, чем колхозники, были обеспечены мелким скотом и пахотными землями. Помимо приусадебных участков имели полевые наделы. Они занимались извозом, подсобными промыслами, заготовкой дров и т. п. В основном получали по несколько тысяч рублей дохода в год.

Часть колхозников в этой связи начали выражать недовольство своими более низкими доходами, более высокими нормами сдачи продукции государству и большими налогами. Это не осталось без внимания партийно-хозяйственных руководителей. 2 июля 1934 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание по вопросам коллективизации, на котором выступил Сталин. Он потребовал перейти в наступление на единоличников путем усиления налогового пресса, ограничения землепользования и т. п. [2, с. 251] Таким образом ЦК ВКП(б) ставил задачу экономического удушения единоличников или индивидуалов, как их называл Сталин. В сентябре 1934 г. СНК и ЦИК СССР установили единовременный налог на единоличные крестьянские хозяйства. Ставки налогов значительно повышались в зависимости от наличия средств производства и рыночных доходов. На 50 % были увеличены обязательные поставки продукции государству по сравнению с колхозниками. Одновременно партийно-хозяйственные органы внесли изменение в колхозное строительство, для этого был созван Второй съезд колхозников-ударников в феврале 1935 г. На нем был принят Примерный устав, в котором закрепились право колхозника на личное приусадебное хозяйство в зависимости от региона: от 0,25 до 0,5 га земли и от одной до трех коров, неограниченное количество птицы и кроликов и т. п. Им разрешалась продажа своей продукции на рынке. За колхозами земли закреплялись в «бессрочное пользование», «то есть навечно», что имело пропагандистскую подоплеку, рассчитанную на единоличника. Условия приема в коллективные хозяйства

были значительно облегчены. Примерный устав закрепил «остаточный принцип» – распределение колхозной продукции по трудодням после выполнения колхозом обязательных поставок, засыпки семенных, фуражных страховых фондов, создание фонда для государственных закупок.

При этом с 1932 г. действовало «Положение о взыскании налогов и налоговых платежей». За неуплату сельхозналога предусматривались опись и арест имущества недоимщика. А в хозяйствах, причисленных к «кулацким», все имущество, за исключением предметов первой необходимости, могло быть описано и продано с торгов. С 1934 г. ответственность единоличников за выполнение обязательных поставок и выплату налогов ужесточалась. Власти шире стали применять такие меры, как конфискации, штрафы и ссылки.

В марте 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об обязательных поставках зерна, риса и подсолнуха государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1934 года», в котором нормы сдачи зерна государству для колхозов были установлены значительно ниже, чем для единоличников. Закон «О сельскохозяйственном налоге на 1935 год» устанавливал, что ставки налогового обложения единоличников должны не менее чем на 25 % превышать ставки обложения колхозников. Это же соотношение было установлено и при самообложении единоличников и колхозников. [3, с. 370] Мясозаготовки государству достигали таких размеров, что многие единоличные хозяйства оставались без домашнего скота.

Подобные меры экономического и репрессивного характера позволили руководству СНК и ЦК ВКП(б) переломить ситуацию. Если в июле 1934 г. процент коллективизации крестьянских хозяйств в БССР составил 55,3 (в СССР в целом – 71,4), то на июль 1935 г. – 79,0 (в СССР – 83,2) [1, с. 45].

Высокий процент коллективизации в целом по СССР дал повод руководству страны утверждать о завершении ее к 1937 г., когда в стране насчитывалось 243,7 тысяч колхозов, объединявших 93 % крестьянских дворов [2, с. 251].

В Беларуси коллективизации крестьянских хозяйств препятствовала хуторская система землепользования. Она внедрялась во время сталинской реформы и новой экономической политики в 20-е гг. XX в. По мнению некоторых партийных руководителей того времени, хутора мешали укреплению колхозов, поскольку возникшие в районах хуторского поселения колхозы были мелкими (15–20 хозяйств).

Поэтому в 1937–1939 гг. раскулачивание в БССР дополнилось ликвидацией хуторов. Но дехуторизация требовала больших материальных затрат и в короткие сроки завершиться не могла. К тому же большинство крестьян отказывалось переселяться в деревни, хотя им предлагали льготы и кредиты на строительство домов. В случае отказа переезжать крестьян переселяли в принудительном порядке, а строения на хуторах уничтожали. Таким образом за 1937–1940 гг. около 200 тысяч крестьянских хозяйств было переселено на центральные усадьбы. При этом хуторские земли зарастали кустарником, приходили в запустение [4, с. 288]. С социальной и экономической точки зрения разрушение хуторской системы было нецелесообразно, но для руководства ВКП(б) было важнее политическая составляющая этого процесса. С помощью политических, экономических и репрессивных рычагов властям удалось сократить численность единоличников и заставить вступить их в колхозы. Их численность в СССР с января 1933 по апрель 1935 г. сократилась на 4,8 млн хозяйств [1, с. 43].

Однако далеко не все единоличники (не более 2,1 млн) вступили в колхозы. Большая часть их (2,7 млн) бежала в города или же была репрессирована. Бегство в города было скрытой формой сопротивления и вынужденной мерой. Значительное число сельского населения переехало в новые промышленные центры и города Урала, Сибири, Дальнего Востока и другие места сталинских новостроек. В силу переизбытка рабочих рук в колхозах, крестьян выселяли по разнарядке правительства в малозаселенные районы. В 1938–1940 гг. из Беларуси вывозилось около 130 тыс. человек ежегодно [4, с. 288].

Таким образом, партийно-хозяйственное руководство СССР методами принуждения и насилия, репрессий и экономического нажима уничтожило единоличное хозяйство и тем самым осуществило к концу 30-х гг. сплошную коллективизацию, за которую БССР потеряла более 1 млн сельских жителей. Следствием этого стало снижение сельскохозяйственного производства, разорение деревни. Крестьянство в привычном прежнем понимании перестало существовать, что стало причиной продовольственных проблем в СССР на протяжении всей его истории.

При этом даже приусадебное хозяйство колхозников (0,25 га) к концу второй пятилетки давало больше животноводческой продукции и овощей, чем все колхозы [5, с. 377–378].

Літаратура

1. Зеленин, И. Е. Коллективизация и единоличники (1933-й – первая половина 1935 г.) / И. Е. Зеленин // Отечественная история. – 1933. – № 3. – С. 36.
2. Страницы истории советского общества : факты, проблемы, люди: [сборник статей] / Государственный комитет СССР по народному образованию, НИИ содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР; [составители: Г. В. Клокова и др. ; под общ. ред. А. Т. Кинкулькина]. – М. : Политиздат, 1989. – 446 с.
3. Судьбы российского крестьянства : сб. ст. / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : РГГУ, 1996. – 595 с.
4. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002) / З. Шыбека. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. 489 с.
5. История советского крестьянства : в 5 т. / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1986. – Т. 2. – 1986. – 420 с.

УДК 930“192/193”:67(47)“17/18”

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ІНДУСТРЫЯЛЬНАГА РАЗВІЦЦЯ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў ХVІІІ – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ. У САВЕЦКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 1920–1930-Х ГГ.

П. А. Маціуш

У артыкуле разгледжаны асобныя аспекты індустрыяльнага развіцця Расійскай імперыі ў ХVІІІ – першай палове ХІХ ст. у працах савецкіх гісторыкаў; вызначана праблемнае кола пытанняў і спробы іх вырашэння ў савецкай гістарыяграфіі на пачатковым этапе яе станаўлення.

SOME ASPECTS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY OF 1920–1930S.

P. Matsiush

The article deals with some aspects of industrial development of the Russian Empire in XVIII – first half of XIX century in the works of Soviet historians; identified problematic range of issues and attempt to resolve them in the Soviet historiography in the initial stage of its formation.

У першыя гады існавання Савецкай дзяржавы ў гістарычнай навуцы развіваліся два паралельныя працэсы. З аднаго боку, закладваліся арганізацыйныя асновы марксісцкай гістарыяграфіі, пачыналася падрыхтоўка новага пакалення даследчыкаў у савецкіх навучальных і навуковых установах, з другога – працягвала існаваць гістарычная навука, прадстаўленая навукоўцамі «старой школы», якія атрымалі адукацыю да 1917 г.

Працы У. І. Леніна, прысвечаныя аналізу індустрыяльнай эвалюцыі эканомікі Расіі, шмат тым чым вызначылі асноўныя кірункі вывучэння праблем генезісу капіталізму ў савецкай гістарыяграфіі.

Станаўленне савецкай гістарыяграфіі было непасрэдна звязана з вырашэннем праблем агульнага і асаблівага ў капіталістычнай эвалюцыі Расійскай імперыі. Дыскусіі, якія ўзніклі на працягу доўгіх гадоў, былі выкліканы спробай звязаць агульныя заканамернасці развіцця з асаблівасцямі капіталістычнай эвалюцыі Расіі. Даследаванне пытанняў эканамічнай гісторыі спалучала вывучэнне праблем індустрыяльнага развіцця ў непарыўнай сувязі з аграрнымі праблемамі.

У манэграфіі «Развіццё капіталізму ў Расіі» У. І. Ленін даў характарыстыку трох асноўных стадый развіцця капіталізму ў рускай прамысловасці: простае капіталістычнае кааперацыі, капіталістычнае мануфактуры і фабрыкі, але разгляд гісторыі прамысловасці ён пачынае з простае таварнай вытворчасці, асноўная тэндэнцыя якой была накіравана на пабудову капіталізму. «Распаўсюджванне дробных прадпрыемстваў... пашырае таварную гаспадарку, падрыхтоўвае глебу капіталізму (тым самым стварае дробных гаспадароў і наёмных рабочых), а паглынненне дробных прадпрыемстваў мануфактурай і фабрыкай ёсць утылізацыя буйным капіталам гэтай падрыхтаванай глебай» [3, с. 344–345].

Важнае месца ў ленінскім вучэнні займала пытанне аб прагрэсіўнасці і гістарычнай перспектывнасці прамысловай рэвалюцыі, абумоўленай фарміраваннем індустрыяльнага пралетарыяту як ядра працоўнага класа. Значную ўвагу У. І. Ленін адводзіў праблеме развіцця чыгуначнага транспарту, паказваючы, што фарміраванне чыгуначнага транспарту ў Расіі ўзмацніла працэс грамадскага падзелу працы, стымулявала прагрэс вытворчасці ва ўсіх вядучых сферах гаспадаркі, выклікаючы да жыцця новыя, базісныя галіны прамысловасці. У. І. Ленін бачыў галоўны сацыяльны вынік прамысловай рэвалюцыі ў Расіі ў канчатковым станаўленні прамысловага пралетарыяту як самастойнага класа.